

С. В. Голикова, Л. А. Дашкевич
**«ХУТОР ГОСПОЖИ БАЗИЛЕВОЙ» И ДРУГИЕ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НЕМЕЦКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ
ОРЕНБУРЖЬЯ В XIX — НАЧАЛЕ XX вв.**

Оренбуржье можно назвать лабораторией колонизации. Заселение этого региона было длительным — растянулось на несколько веков. Здесь друг друга сменяли промышленная и земледельческая колонизации. Свои особенности были у освоения казачьих земель. В разные хронологические периоды менялись темпы и направления этого процесса. Наконец, в нем приняли участие представители разных народов: наряду с русскими, на эти земли переселялись народы Поволжья, украинцы и даже иноземцы. Примером может являться история Гнездовского прихода в Оренбургском уезде.

Заселение села Гнездовка началось во второй половине XVIII в. До 1840 г. «близ Гнездовки» населенных пунктов не было. Затем появились деревни Георгиевка (с поселенцами из Серпуховского уезда Московской губернии), Рождественка (крестьяне села Петровского Стерлитамакского уезда). «По минованию крепостной зависимости» сюда — на хутор Ахтенский — переселились «малороссы». В 1865 г. жители Балашовского уезда Саратовской губернии основали здесь хутор Саратовский. На Свиногорском хуторе обосновалась мордва из Бугурусланского уезда соседней Самарской губернии. В 1876 г. на хутор Богословский («Перепеловский тож») перебрались мигранты из Тамбовской губернии. На землях прихода появилось и немецкое селение, получившее название хутора г/оспожи/ Базилевой.¹

Пестрая картина переселенческого движения представляет колонизацию как результирующую различных потоков мигрантов и их культур. Среди многочисленных определений

термина «колонизация» встречается и такое: «Сложный (и не обязательно насильственный) процесс распространения материальной и духовной культуры того или иного народа в инокультурном ареале».² Заключенный в нем сравнительный подход представляет собой эффективный прием для анализа немецкого «пути» колонизации Оренбуржья на фоне моделей освоения, реализуемых в данном регионе другими народами, прежде всего славянскими. Несмотря на обилие литературы о колонизации и на растущий интерес к изучению истории российских немцев, выделенный аспект остается малоизученным.

Мысль о поощрении иммиграции и заселении пустующих земель иностранными колонистами императрица Екатерина II позаимствовала в Европе. «В середине XVIII столетия популярна была доктрина зависимости мощи государства от численности его населения, и планы привлечения иностранных колонистов более или менее успешно осуществлялись в Пруссии, Австрии и Испании. Конечно, и сама Екатерина II подхватила модную идею», — пишет по этому поводу испанская исследовательница Исабель де Мадариага.³

Вскоре после своего воцарения, 4 декабря 1762 г., императрица издала указ, приглашающий иностранцев в степные районы Российской империи, а 22 июля 1763 г. — новый манифест, конкретизирующий условия переселения колонистов и предоставляющий им довольно широкие льготы: переезд за счет русского правительства, свободный выбор места жительства и рода занятий, строительство церквей, «свободное отправление веры по их уставам и обрядам беспрепятственно», освобождение на 30 лет от податей, налогов и постоев, беспроцентную ссуду на строительство домов, приобретение скота и инструментов с уплатой через 10 лет и пр. Принеся присягу на «верное подданство», колонисты получали в отведенных для заселения местах землю, лес-

¹ См.: Чижев П. Приход Михаило-Архангельской церкви села Гнездовки Оренбургского уезда // Оренбургские епархиальные ведомости. 1899. № 15. С. 553–555, 590.

Голикова Светлана Викторовна — д.и.н., ведущий научный сотрудник сектора политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН
E-mail: istor@uran.ru

Дашкевич Людмила Александровна — д.и.н., ведущий научный сотрудник сектора методологии и историографии Института истории и археологии УрО РАН
E-mail: istor@uran.ru

² Шишов Я. Беспокойный призрак империи. Заметки об имперском прошлом, постимперском настоящем и (возможном?) неоимперском будущем России // Логос. 2005. № 1 (46). С. 4.

³ Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 576.

ные, охотничьи и сенные угодыя.⁴ Дарованные императрицей привилегии и активная деятельность русских вербовщиков воодушевили тысячи обездоленных жителей германских княжеств. На восток потянулись крестьяне из Гессена, Вюртемберга, Мекленбурга, Пфальца, Померании. Немецкое население сосредоточилось в основном на юге России и в Поволжье. К 1841 г. здесь существовало 286 немецких колоний с населением 158,3 тыс. человек.⁵

Первая попытка организации иностранного поселения на Урале была предпринята в 1825 г. Его основатель, бывший саратовский колонист Антон Ролгейзер, попал сюда не по своей воле: он был осужден «за держание беглых» и после наказания плетью отбывал в Оренбургской губернии ссылку. У местного начальства ссыльнорабочий Ролгейзер оказался на хорошем счету. В 1807 г. ему «за благонадежное поведение» поручили охранять казенные здания на форпосте между Оренбургом и Илецкой защитой. Здесь он сумел создать собственное крепкое хозяйство, завел скотоводство и хлебопашество и научился изготавливать горючий материал из помета. Последнее изобретение, позволявшее решить проблему недостатка дров в степном крае, было особо отмечено управляющим Струковым в представлении, направленном директору департамента горных и соляных дел, об освобождении ссыльного от обязательных казенных работ. Департамент пошел навстречу как просьбе Струкова (изобретатель был переведен на положение казенных заводских мастеровых), так и его предложению о создании немецкой колонии на тракте от Илецкой защиты к Оренбургу. В представлении от 21 октября 1821 г. было записано: «Переселение на оный тракт колонистов, к чему вызывается Ролгейзер, заслуживает особенного внимания, так как, во-первых, с выполнением оного правительство достигнет помянутой цели обеспечения пути в защиту и доставления приезжающим потребного для них пристанища и продовольствия, во-вторых, получит в свободных людях, необходимых для промысла, мастеровых, ремесленников и трудолюбивых хозяев, коих изобретения и усовершенствования в до-

мозаведении, хлебопашестве, скотоводстве и в других сельских упражнениях послужат примером для солевозцев, водворившихся уже и кои впредь водворятся за рекою Уралом на землях Илецкого промысла».⁶

Поселенцам, согласившимся по приглашению Ролгейзера переселиться на земли Илецкого соляного промысла, решено было предоставить (за незначительными исключениями) права саратовских колонистов, определенные высочайшим манифестом Екатерины II от 22 июля 1763 г. Оренбургский военный губернатор разрешил учреждение немецких колоний при двух форпостах — Донгузском и Елшанском. Им даровались здесь земли и трехлетняя льгота в исполнении казенных податей и повинностей.

В апреле 1823 г. Саратовская контора опекунства иностранных поселенцев представила министру внутренних дел отношение о переселении на земли, расположенные по тракту от Илецкой защиты к городу Оренбургу, сорока семей колонистов. В ноябре 1823 г. к желающим переселиться присоединилась еще одна семья. Колонисты послали от себя поверенных для осмотра назначенных для них земель, и те, очевидно, сообщили, что остались довольны увиденным. Вскоре немецкие семьи (158 мужчин и 156 женщин) двинулись в путь, не дождавшись даже решения Саратовской конторы опекунства иностранных поселенцев. Однако, очутившись на новом месте, многие колонисты были шокированы: огромные безлесные и продуваемые ветрами просторы показались им не только неудобными для ведения сельского хозяйства, но и просто опасными из-за соседства киргиз-кайсацких степняков. 10 сентября 1825 г. тот же Струков доносил военному губернатору П. К. Эссену, что колонисты просят разрешения провести зиму не в отведенных им местностях, а в Оренбурге и его окрестностях, так как «все семейства, и особо женский пол обуяты страхом в предположении, что могут достаться в добычу воровским киргизским партиям».⁷ Разрешение было получено. Но ни в Оренбурге, ни в окрестных селениях немецкие колонисты не появились: они предпочли избавиться от грозящих рисков и вернуться на прежнее место жительства, в Саратовскую губернию.⁸

⁴ См.: Киров А. Н. Законодательство о выделении территорий для иностранных колонистов в Поволжье и Центральной России в годы правления Екатерины II // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2001. Вып. 1. С. 194.

⁵ См.: Чеботарева В. Г. Немецкие колонии Российской империи — «государства в государстве» // Этнографическое обозрение. 1997. № 1. С. 131.

⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 7306. Л. 22.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Д. 7486. Л. 115.

Итак, попытка иностранцев поучаствовать в колонизации Оренбуржья на исходе первой четверти XIX в. осталась только «на бумаге». К слову сказать, русское крестьянское освоение земель «Илецкой линии» также происходило в более позднее (пореформенное) время. До этого здесь селились казаки, каторжане и их потомки.⁹ Крестьяне-переселенцы в первые десятилетия XIX в. не отваживались забирать так далеко в глубь оренбургских степей: они осваивали берега реки Демы. Первые русские поселения появились там в 1802 г. (село Радчино) и в 1809 г. (село Воздвиженское).¹⁰ Данный факт заслуживает упоминания, поскольку именно в районе первоначального земледельческого освоения впоследствии обоснуется большая часть немецких поселений.

Итак, привлекательными южноуральские «свободные» земли оказались для прагматичных немцев в конце XIX — начале XX вв. В колониях Саратовской губернии и юга России к этому времени уже ощущалась нехватка земли. Уральский же край стал ближе, чем полвека назад: «восточные настроения» при смене места жительства подогревались строительством Транссибирской железной дороги, которая открывала новые возможности для экономического развития.¹¹ Закон запрещал переселившимся в Россию колонистам самостоятельно распоряжаться казенным земельным фондом общин-колоний, однако давал им право приобретения земли у частных лиц в собственность. Несмотря на возросший в конце XIX в. спрос на землю (десятина шла за 20–25 и даже 30 рублей), немецкие колонисты покупали в Оренбургской губернии земельные угодья за наличный капитал своих крестьянских обществ. В Оренбурге ходили слухи, что будто бы размер этих «запасных» капиталов достиг нескольких миллионов рублей.¹²

На Урале немецкие крестьяне выступали, таким образом, не привилегированными, а рядовыми участниками колонизационного процесса. Точное количество немецких колоний,

появившихся в Оренбургском уезде в конце XIX — начале XX вв., исследователями пока не выявлено. Известно, однако, что переселение было достаточно массовым. Газета «Голос Руси» в 1915 г. приводила следующие статистические данные: в колониях Оренбургской губернии проживает 8,5 тыс. человек; они владеют 73 тыс. десятин земли на праве собственности и арендуют, кроме того, еще 13 тыс. десятин, т. е. на каждую душу приходится более 10 десятин.¹³ По подсчетам Е. Я. Нейфельда, к 1917 г. только меннонитских колоний насчитывалось в Давлекановском поселении — 32, в Оренбургском — 23.¹⁴ (Последнее называлось еще «Деевским» по фамилии купцов Деевых, у которых были приобретены земли.)

Власти и общественность продолжали видеть в трудолюбивых колонистах силу, способную создать эффективное сельское хозяйство и поднять экономику края, уповали на их цивилизаторскую функцию. Сравнительный анализ немецкой, русской и отчасти украинской колонизаций помогает в данном случае понять, насколько обоснованными были эти ожидания и являлись ли немецкие колонисты двигателем прогресса в сельскохозяйственной сфере.

Основой хозяйства при земледельческом освоении оставалось производство продовольственного зерна. Ассортимент возделываемых злаков зависел от природно-климатических условий. В Оренбуржье, как известно, континентальный, сухой климат с резкими переходами к повышению и понижению температуры: суровой зимой нередки метели и вьюги, знойным летом — грозы и бури, при этом осадков выпадает мало.¹⁵ Немецкие колонисты отдавали предпочтение выращиванию пшеницы, на втором месте в их посевном клине стоял ячмень, затем — овес, последнее место занимала рожь.¹⁶ Главной зерновой культурой прочих, прежде всего, русских жителей Оренбургского уезда также являлась пшеница («кубанка», «русская», «улька», «белотурка», «черноколоска», «египшка»). Однако вторым вместо ячменя шел овес, употребляемый в качестве фуражного зерна. Культурными третьестепенными можно считать полбу, просо и гречиху. Рожь (особенно

⁹ См.: Покровский В. Село Саратовка. (Материалы для историко-статистического описания приходов Илецкой линии Оренбургской губернии и уезда) // Оренбургские епархиальные ведомости. 1905. № 1. С. 15, 16.

¹⁰ См.: Невский И. Село Покровка Оренбургского уезда // Там же. 1898. № 3. С. 102, 103.

¹¹ См.: Нейфельд Е. Я. Меннонитские поселения на Урале // Немцы на Урале и в Сибири: Материалы науч. конф. «Германия — Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI–XX вв.», Екатеринбург, 3–9 сентября 1999 г. Екатеринбург, 2001. С. 143.

¹² См.: Оренбургский листок. 1894. № 16. 6 февр.

¹³ См.: Голос Руси. 1915. № 707. 29 дек.

¹⁴ См.: Нейфельд Е. Я. Указ. соч. С. 160–163.

¹⁵ См.: Село Ново-Михайловское (Молочай). (Историко-статистический очерк) // Оренбургские епархиальные ведомости. 1906. № 10. С. 330; Жинжин Н. Село Михайловское-Шарлык Оренбургского уезда. (Историко-статистический очерк по случаю столетнего юбилея) // Там же. 1910. № 30–31. С. 48.

¹⁶ См.: Нейфельд Е. Я. Указ. соч. С. 146.

яровая) здесь практически не вызревала. В небольшом количестве выращивали лишь озимую рожь. Попытки выращивать озимую пшеницу, ранние посевы проса успеха не имели: ростки гибли от морозов. Пшеницу приходилось разводить яровую. В селе Ново-Михайловском (Молочай) те, кто имел «малый достаток» и был «победней», полагались только на эту культуру.¹⁷ С учетом этого опыта предпочтения немецких колонистов выглядят весьма рациональными.

К степным почвам немецкие колонисты применяли четырех- и пятипольную системы с обязательным «черным» или «зеленым» паром.¹⁸ До подобного «народная» колонизация не доросла, да и трехпольная система (одно поле лежит под паром, другое засеивается яровым хлебом, третье — озимым) практиковалась славянскими переселенцами в природно-климатических условиях Оренбуржья не повсеместно: в основном было «принято одно и то же поле засеивать сряду по несколько лет», затем давать ему отдыхать,¹⁹ т. е. преобладала залежная (залежно-паровая) система, обеспечивающая рациональные, но крайне экстенсивные формы эксплуатации почвы. В социальных и естественно-географических условиях начальной колонизации края она оправдывала себя и перестала удовлетворять лишь при земельном «утеснении». По данным Е. Я. Нейфельда, основной доход жители меннонитских селений имели от продажи пшеницы.²⁰ В упоминаемом нами Гнездовском приходе нередко можно было встретить высокопродуктивное зерновое хозяйство и помимо немецкого хутора. В деревне Михайловке «многие» имели до 2000 и более пудов обмолоченного хлеба, который большими партиями отправляли в Оренбург. Целыми обозами сбывали туда же хлеб и крестьяне хутора Ново-Кирсановского.²¹

Специфика в формах связи между земледелием и животноводством проявлялась в немецких колонистских хозяйствах на уровне заготовки кормов. В большом количестве здесь разводили картофель, свеклу, кукурузу и тыкву, которые в основном шли на корм скоту.²²

Возможно, разнообразие кормовой базы животноводства за счет корнеплодов и кукурузы позволяло немецким крестьянам обходиться меньшим количеством фуражного зерна (овса). Правильный «плодосмен», наряду с зерновыми включавший в себя и кормовые культуры, относился к интенсивным формам хозяйствования на земле, к тому же он позитивно влиял на восстановление плодородия почв. Однако не стоит забывать, что у многих переселенцев была возможность использовать на корм скоту сено, скошенное в дешево арендованных башкирских угодьях. Насколько целесообразной с учетом данного (в общем-то дарового) ресурса выглядела немецкая практика?

Животноводство немецких колонистов состояло в основном из двух отраслей — разведения лошадей и молочного скотоводства, продукты которого (молоко и масло) приносили хозяйству доход. Свиней, овец, кур, гусей выращивали для домашнего потребления.²³ Организация животноводства на Ново-Кирсановском хуторе в Гнездовском приходе определенно напоминала продуктивное немецкое хозяйство. За скотом здесь ухаживали «умело и старательно»; рачительно отделяли «хорошего завода» коней, которых использовали «только для проезда», от тех, что «похуже» (последние предназначались «для черной работы»). Много было «охотников до породистой птицы»: можно было «встретить домашних гусей, стоящих 15 руб[лей] пара, и кур по 7 рублей за пару».²⁴

Немецкие колонисты молоко сдавали на сборные пункты маслобоек или сами сбывали масло сепараторами. Маслодельный промысел активно развивался также у их соседей — в русских крестьянских и казачьих хозяйствах. Жители Александровского прихода Оренбургского уезда реализовывали продукцию маслобоек в губернском городе. Зажиточные хозяева прихода держали до десятка дойных коров, а количество продаваемого масла достигало 10 пудов в год, что и приносило «значительный доход».²⁵ Сам Е. Я. Нейфельд признает, что по развитию молочного хозяйства меннониты в Оренбургской губернии уступали казакам.²⁶

При анализе тягловой силы переселенческих хозяйств не стоит забывать, что выходцы с юга России и Украины вместо лошадей эффективно использовали для поднятия целинных и

¹⁷ См.: Малмецкий В. Село Исаево // Оренбургские епархиальные ведомости. 1873. № 3. С. 17; Село Ново-Михайловское (Молочай) // Там же. 1906. № 12. С. 393, 394.

¹⁸ Нейфельд Е. Я. Указ. соч. С. 146.

¹⁹ Коняхин С. Александровский приход Оренбургского уезда // Оренбургские епархиальные ведомости. 1905. № 22. С. 728.

²⁰ См.: Нейфельд Е. Я. Указ. соч. С. 147.

²¹ См.: Чижев П. Указ. соч. С. 586, 588.

²² См.: Нейфельд Е. Я. Указ. соч. С. 146.

²³ См.: Там же. С. 146, 147.

²⁴ Чижев П. Указ. соч. С. 588.

²⁵ Коняхин С. Указ. соч. С. 728.

²⁶ Нейфельд Е. Я. Указ. соч. С. 147.

залежных земель волов. В качестве замены лошади, иногда даже более предпочтительной, выступал крупный рогатый скот. «Плуг» состоял из четырех пар быков. За их разведение, по словам П. Чижева, «держались» потому, что бык «представлял прекрасную рабочую силу и не требовал такого тщательного ухода, как лошадь».²⁷

Возможно, обходиться без подобной тяговой силы немецким колонистам помогала сельскохозяйственная техника. Использовались одно- и трехлемешные плуги, однорядные и разбросные сеялки, сенокосилки, механические грабли, сноповязалки, молотилки с конным приводом, веялки, лобогрейки.²⁸ «Рутинный способ обработки земли, вроде ковыряния сохой или деревянным плугом», и у остальных земледельцев Оренбуржья «отходил в область преданий». Соседи немцев с хутора госпожи Базилевой в Гнездовском приходе, крестьяне хутора Богословского, также стали приобретать железные плуги. До середины 1880-х гг. обработка земли в соседнем Александровском приходе «велась примитивным способом, то есть неуклюжими деревянными плугами». Затем зажиточные крестьяне стали покупать железные плуги (одно-, двух- и трехлемешные). «С течением времени эти плуги получили такое широкое распространение, что в настоящее время, — заявлял в 1905 г. С. Коняхин, — дома, в которых нет железного плуга, составляют редкое исключение».²⁹ Земледельцы соседнего села Рождественского также обрабатывали почву железными плугами. «Как на шаг вперед, — писали «Оренбургские епархиальные ведомости» о жителях села Ново-Михайловское (Молочай), — можно указать на заведение крестьянами железных плугов (сабанов), а в последнее время крестьянами стали заводиться косилки, жнейки и веялки».³⁰

Однако, по замечаниям современников, «усовершенствованные земледельческие орудия» стали распространяться только на рубеже XIX–XX вв. Довольно быстро «почти все хозяева» запаслись железными однолемешными плугами, состоятельные — имели и веялки, а вот молотильных машин было еще очень мало. В качестве «улучшенных» земледельческих орудий стали употребляться косилки и жнейки.

Зажиточные крестьяне Александровского прихода Оренбургского уезда к 1905 г. обзавелись косилками, жнейками, молотилками, а веялки здесь «имели и жители среднего достатка». Их соседи из села Рождественского обладали аналогичным набором сельскохозяйственных машин: веялками, молотилками, жнейками и косилками. Рядом, в селе Анатолиевском, также «завели» жнейки, молотилки, веялки и стальные плуги. Сельскохозяйственная техника превратилась в обычный элемент деревенской жизни. «Железные плуги, — сообщали в 1906 г. из деревни Борки Оренбургского уезда, — имеются у каждого, а у многих есть веялки, молотилки, жнейки и другие усовершенствованные земледельческие орудия».³¹ Железный немецкий плуг, по словам очевидца, «совершенно вытеснил» «родной деревянный». После 1900 г. для посева пшеницы, ржи и овса стали применять разбросные сеялки. По отзывам крестьян, их «в деревне много было и до революции», реже встречались сеялки-садилки. До появления в конце XIX в. первых молотилок с этой тяжелой работой справлялись «исключительно при помощи лошадей». Со второго десятилетия XX в. конную молотьбу стали применять реже, а перед революцией она «сошла почти на нет». Достаточно поздно, перед Первой мировой войной, в Оренбургской губернии получили распространение сноповязалки.³²

В Оренбургских (Деевских) колониях имела ветряная мельница. Мельничное дело развивалось и у русских переселенцев. Так, в Гнездовском приходе, кроме водяной мельницы, к 1899 г. насчитывалось еще две просорушки.³³ Однако у немцев к 1917 г. были две турбогенераторные мельницы, две генераторные и паровая. В Давлекановских колониях для хранения зерна построили даже элеватор. Подобные технологии позволяли производить муку высокого качества и получать за нее медали на международных выставках, например в Риме. У немецких колонистов возникали мастерские по ремонту сельскохозяйственной техники, здесь развивались плотничное, столярное, красильное, швейное, сапожное производства.³⁴ Однако на тех же самых осваиваемых терри-

²⁷ Чижев П. Станица Донецкая // Оренбургские епархиальные ведомости. 1908. № 23/24. С. 511.

²⁸ Там же. С. 146.

²⁹ Коняхин С. Указ. соч. С. 728.

³⁰ Село Ново-Михайловское (Молочай). С. 330.

³¹ Предтеченский А. Село Анатолиевка Оренбургского уезда // Оренбургские епархиальные ведомости. 1901. № 23. С. 853.

³² См.: Чижев П. Указ. соч. С. 589; Коняхин С. Село Рождественка Оренбургского уезда // Оренбургские епархиальные ведомости. 1905. № 28–29. С. 392; Он же. Деревня Борки Оренбургского уезда // Там же. 1906. № 6. С. 233.

³³ См.: Чижев П. Указ. соч. С. 586, 589.

³⁴ См.: Нейфельд Е. Я. Указ. соч. С. 147, 148.

ториях имелись и крестьянские «заведения». Например, в Гнездовском приходе существовала овчинная мастерская, «масленный» завод, «работающий вальцами». Масло конопляное, льняное, подсолнечное, рыжиковое и сурепковое — получалось «хорошего» качества. «Переселившийся сюда малоросс» содержал кузницу и, по отзывам местных жителей, хорошо зарабатывал.³⁵

На примере Гнездовского прихода имеется возможность показать отношение мигрантов к школьному строительству, которое для изучаемого времени может рассматриваться как маркер развития духовной культуры и распространения прогресса на осваиваемых территориях. Учитывая «неблагоустройство» переселенцев, власти предлагали им для обучения детей азам грамоты наиболее простой способ — передвижные («подвижные») школы. На рубеже XIX–XX вв. родители уже понимали необходимость образования, поэтому старание учителя подобных школ, по словам П. Чижева, в 1898/99 учебном году только в одном хуторе из всего Гнездовского прихода не увенчалось успехом. «Холодное» отношение жителей Богословского хутора к просвещению объяснялось как раз их неустроенностью на новом месте. Они «отговаривались» тем, что «ни у кого в хуторе нет ни одной свободной землянки, а существующие угарны, сыры, переполнены болеющими детьми, а к концу зимы нарождающимся скотом». По иному к образовательным нуждам подрастающего поколения относились немецкие колонисты. «В нынешнем году, — писал про хутор госпожи Базилевой в 1899 г. П. Чижев, — у них открыта для малолетков школа и имеется свой учитель — немец, получающий от общества до 200 рублей».³⁶

Открытие начальных учебных заведений сразу же после основания поселений было обычной практикой немецких крестьян-колонистов. В 1898 г. «Оренбургская газета» сообщала о «возбуждении» перед учебным начальством немцами-меннонитами, поселившимися в Каракипчакской волости Оренбургского уезда, ходатайства о создании «школ грамоты или даже начальных училищ». Они обязались предоставить для учащихся помещения с отоплением, приобрести для них учебники и пособия, а также оплатить труд учителей (примерно по 300 рублей в год). Преподавателей пригла-

шали из Гальбштадтского училища и других центральных меннонитских училищ Таврической губернии.³⁷ Судя по материалам первой всеобщей переписи населения Российской империи, в 1897 г. удельный вес грамотных среди немецкого населения в Оренбургской губернии составлял 54,2 % мужчин и 53,1 % женщин, оставляя далеко позади представителей других народов края.³⁸ В отчете оренбургского губернатора за 1903 г. фигурирует уже 22 меннонитские немецкие школы.³⁹

Имеется редкое свидетельство православного священнослужителя И. Набивача о посещении в 1907 г. школы в одной из немецких колоний в так называемых «Деевских или Пашковских степях» Оренбургского уезда, где меннониты из Черноморской губернии обосновались, по его подсчетам, «лет десять тому назад». Школьный класс представлял собой «просторную, с пятью окнами, чисто выбеленную комнату, с высоким сводчатым потолком» и был освещен «висящей спереди над столом» учителя лампой. Мебелью являлись поставленные рядами скамьи. Школа была снабжена учебными пособиями, при ней имелась библиотека. Курс обучения был рассчитан на шесть лет. Ревизовали учебное заведение инспектор народных училищ и лютеранский пастор «из города». Через сени от школьного помещения располагалась квартира учителя. «Небольшая уютная комната. Справа от дверей у печки кровать, напротив письменный стол и над ним зеркало, в углу шкаф с книгами», — передавал свои впечатления от посещения учительского жилья православный священник.⁴⁰

Особая шестилетняя школа с интернатом, куда принимали детей из разных колоний, была открыта в 1908 г. на хуторе Деевском. Здание для проведения занятий предоставил один из богатых немцев-колонистов. Обучали здесь за плату: содержание ученика в интернате стоило 8 рублей в месяц, право обучения — 40 рублей в год.⁴¹ В колонии Претория было создано «Общество подъема образования

³⁷ Оренбург. газ. 1898. 29 окт.

³⁸ См.: Апкаримова Е. Ю. Образовательный уровень татарского населения Урала по материалам всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. // Третьи Уральские историко-педагогические чтения: Материалы всерос. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 29–30 апреля 1999 г. Екатеринбург, 1999. С. 60.

³⁹ См.: Нейфельд Е. Я. Указ. соч. С. 150.

⁴⁰ Набивач И. Вечер у меннонитов // Оренбургские епархиальные ведомости. 1907. № 47. С. 687, 688, 690.

⁴¹ См.: Оренбург. газ. 1908. 3 янв.

³⁵ Чижев П. Указ. соч. С. 586, 589.

³⁶ Там же. С. 590.

колонистов Оренбургской губернии». Благодаря его деятельности в 1907 г. начала работу преторийская школа с расширенным курсом обучения: предусматривалось преподавание арифметики, закона божьего, истории, географии, немецкого и русского языков.⁴² В Давлеканово — центре одноименных немецких колоний — в 1906 г. была открыта школа второй ступени (Zentralschule). К 1909 г. здесь было построено здание с четырьмя классными комнатами. Вскоре появился возведенный на частные средства пристрой, в котором было еще четыре класса и школьный зал. Помещение имело центральное отопление. В нем располагались также учительская, физический кабинет и четыре квартиры для учителей.⁴³ Верхом земского школьного строительства на Урале того времени оставалось возведение отдельного специально предназначенного для обучения помещения со скромной учительской квартирой и печным отоплением. По своему устройству оно напоминало осмотренную И. Набивачем школу. Однако ему было далеко до «школы будущего», построенной в Давлеканово.

Различия в устройстве на новом месте немецких и славянских переселенцев проявлялись не столько в организации хозяйственной деятельности, сколько в направленности духовной культуры. Широкому распространению просвещения способствовала особая этика немецкой религиозности. Лютеранская церковь ставила главной целью для своих прихожан сознательное усвоение истин веры. Отсюда черпались основные черты немецкого образовательного идеала, построенного на принципах познания и освоения мира. Учебное заведение было не только образовательным, но и религиозным центром поселения; здесь проводились лютеранские богослужения. Попад на одно из них воскресным вечером, И. Набивач насчитал среди присутствующих примерно 20 мужчин и женщин (при численности населения колонии более чем 100 человек). Здесь «выразительно и внятно» читалось послание апостола Павла к коринфянам, пелись псалмы, произносились молитвы.⁴⁴ В давлкановской школе, кроме того, устраивались литературные вечера, театраль-

ные представления и другие мероприятия для немецких колонистов. Школьная библиотека обслуживала не только детей, но и взрослое население.⁴⁵ Объединение просветительных, воспитательных, религиозных и культурных функций способствовало превращению образовательных учреждений в своеобразные культурные клубы немецких колоний.

Размах школьного строительства показывает, что немцы устраивались на оренбургских землях «всерьез и надолго». Распространять свою культуру на иноязычное окружение они не спешили, поэтому для местного населения их колонии оставались островками иной культуры. Священнослужителям Гнездовского прихода бросалось в глаза непривычное использование немцами традиционных православных символов — креста, колокольного звона. На въезде в селение госпожи Базиловой с трех сторон были установлены высокие четырехконечные кресты, «лицевою стороною обращенные к полудню». В праздничные дни здесь звонили в небольшой колокол, который был повешен около одного из домов.⁴⁶ Впечатления И. Набивача от посещения Деевской колонии вообще построены на контрасте: «Вот перед вами далеко забелелись в степи ряды правильно расположенных строений, с первого взгляда привлечших взор ваш чем-то приятным в своей оригинальности для глаз, привыкших видеть кривые улицы, разваленные без крыш грязные избы, без зеленеющего около них деревца. Здесь же чисто выбеленные по большей части с одним или двумя окнами, выходящими на улицу, домики с низкой, облитой красной глиной, крышей образовали широкую чистую улицу, обсаженную по сторонам стройными, душистыми тополями. Думаешь: как приятно видеть такой порядок, но... вероятно, живут здесь не русские, так как русский человек в массе враг порядка и аккуратности, особенно в хозяйстве».⁴⁷

И. Набивач пытается показать, что ему непривычно в немецком селении, и для передачи этого ощущения вводит читателей внутрь помещения. Показ интерьера приобретает более субъективный характер: «...выбеленные стены и потолок, отсутствие обязательных в русской избе насекомых указывали на превосходство немецкого жилья, но, с другой стороны, непривычное впечатление производили голые сте-

⁴² См.: Камскова Т. А. Общество подъема образования колонистов Оренбургской губернии // Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее. Оренбург, 1997. С. 50.

⁴³ См.: Нейфельд Е. Я. Указ. соч. С. 151.

⁴⁴ Набивач И. Указ. соч. С. 688.

⁴⁵ См.: Камскова Т. А. Указ. соч. С. 51.

⁴⁶ См.: Чижев П. Указ. соч. С. 590.

⁴⁷ Набивач И. Указ. соч. С. 686, 687.

ны и отсутствие икон в переднем углу. Вместо них — полки с висящими на крючках ложками, вилками, проч. посудой и далее вокруг ни одной картины. На одной стене висело зеркало и часы. На земляном полу мебелью служили только два стула; не было ни диванов, ни лавок». ⁴⁸ Конечно, главное в этом описании — отсутствие икон, но подчеркиваются также голые стены, земляной пол и минимум мебели. Автор нащупал точки «несоприкосновения» двух культур. Так, русские избы пестрели различными «картинками»: календарями, дешевыми иллюстрированными изданиями и даже первыми фотографиями; их обитатели стремились обставить свои «чистые» горницы. Славянская бытовая культура уже наметила для себя престижные вещи, которые «не вязались» с аскетичной обстановкой меннонитского жилища.

При этом сталкивающиеся с колонистами люди отмечали, даже подчеркивали, их доброжелательность. Ворота И. Набивачу открыли «услужливо», «старая немка... позаботилась приготовить самовар». Затем его проводили на богослужение, после которого пригласили к учителю, и тот «гостеприимно предложил садиться и охотно отвечал на вопросы». «Довольно словоохотливыми» оказались и другие жители колонии. «Смычка» с местным населением быстрее всего осуществлялась в хозяйственной сфере. Здесь сотрудничество было поставлено на прочную экономическую основу и приносило «дивиденды» обеим сторонам. Колонисты с хутора Базилевой, к примеру, имели конную молотильную машину, «на которой у гнездовских прихожан в зимнее время зарабатывали много денег». ⁴⁹ Таким образом осуществлялась цивилизаторская деятельность немцев, на которую столь уповали имперские власти.

При отсутствии на хуторе собственного культового сооружения немецкие колонисты не гнушались заходить в православный храм и даже целовать крест, но молились, по наблюдениям гнездовского причта, по-своему. ⁵⁰ Это не означало проявления интереса к государственной религии новой родины, а являлось, скорее, издержками начального этапа колонизации. Стихийно возникший у И. Набивача диспут со стариками-меннонитами показал, что почитание православными икон они считали идолопоклонством и нарушением второй

заповеди. Им претило, что «русские мужики и в праздники и в воскресные дни многие не только не идут в церковь молиться, но и работают, даже пьянствуют», следовательно, нарушают четвертую заповедь. Священников они обвиняли в потворстве своей пастве. «Вот в соседнем селе поп в праздники собирает подводы ехать к нему за снопами, а потом спаивает мужиков вином», — интерпретировали немцы обычаи народных помочей. ⁵¹

И. Набивач называет еще один барьер в межкультурном общении. «Странно и даже смешно, — писал он о посещении дома Фридриха Штоллера, — было наше молчаливое присутствие при звучащей в семье немецкой речи». Прожив много лет или даже родившись в России, жители Деевской колонии разговаривали с ним на ломаном языке, коверкая русские слова. ⁵² Это еще один признак отстраненности, «островного» положения немецких земледельческих колоний. Уездные исправники также отмечали, что русский язык многие колонисты знают плохо. Проблему пытались решить введением его изучения в программу преподавания сельских школ. Однако данный вопрос был поднят духовным советом Оренбургской немецкой кирхи лишь в начале XX в. В центральной деевской школе преподавание велось на немецком языке, но большое внимание уделялось русскому, а также латинскому языкам. ⁵³ И. Набивачу рассказали, что учебный год был поделен на две половины: его начинали на немецком языке, но с первого января переходили на русский. Латинский язык вводили на четвертом году обучения. Православного священнослужителя приятно поразило, что в школе, которую он посетил, оказалась Библия на русском и немецком языках. ⁵⁴

Примером того, как просвещение ломало межкультурные перегородки, можно считать и инициативу Франца Классена. Он решил перебраться в Америку, а на месте своего хутора построить школу для бедных и далеко живущих детей. Под школьное здание, интернат и мастерскую было отведено 50 десятин земли. Приглашенный им в качестве учителя Яков Мартенс оказался подходящей кандидатурой для организации этого благородного дела. У входа в школу были выбиты слова «Для всех!». В ней действительно учились дети всех

⁴⁸ Там же. С. 687.

⁴⁹ Чижев П. Указ. соч. С. 590.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Набивач И. Указ. соч. С. 688, 689.

⁵² Там же. С. 687.

⁵³ См.: Камскова Т. А. Указ. соч. С. 51.

⁵⁴ Набивач И. Указ. соч. С. 688, 690.

конфессий и всех социальных слоев. До 1917 г. здесь получало образование до 100 учащихся. Для большинства из них обучение и содержание было полностью бесплатным.⁵⁵

«Погружение» немецкого освоения Оренбуржья в общий контекст колонизационного движения показывает, что эта деятельность не стала (да и не могла стать) локомотивом данного процесса. Об отсутствии «прозорливости» единоверцев пишет, например, крупнейший знаток истории российских меннонитов П. М. Фризен: выбор места был не обоснован, не изучена была местность, климат, почвы; земельная комиссия оставила без внимания и опыт освоения земли на юге и в других местах. Как и всем, немцам пришлось испытать горькую чашу новоселов. Миллионные денежные средства и человеческие судьбы, заключает П. М. Фризен, были легкомысленно поставлены на карту.⁵⁶

У немецких колонистов имелись несомненные достижения (например, генераторные мельницы, элеватор), однако основные процессы, из которых в последнее десятилетие XIX и в начале XX вв. складывалось освоение края (появление высокотоварного зернового хозяйства, развитие маслоделия, внедрение усовершенствованных сельскохозяйственных орудий и машин, создание сельской инфраструктуры), были присущи экономической жизни и других переселенцев. Нельзя сказать,

что немецкие колонисты являлись инициаторами этих процессов, скорее в их осуществлении они «на полкорпуса» опережали других участников освоения Оренбуржья.

О том, что другие переселенцы не воспринимали немецкое творчество как пример для подражания, свидетельствует опыт применения интенсивных систем земледелия. После распашки степей и снижения естественного плодородия почв эти системы становились перспективным ответом на «вызов» среды. Однако ограниченная территория распространения предлагаемых колонистами приемов не уберегла Оренбуржье от экологического кризиса и превращения в зону рискованного земледелия.⁵⁷ Напротив, сами немцы стали заложниками влияния негативного кумулятивного эффекта колонизации, когда в условиях нарушения хрупкого равновесия экосистемы степи вследствие масштабного и грубого вмешательства человека и на их землях стали периодически повторяться засухи и неурожаи.

Можно предположить, что невнимание к инициативам колонистов явилось проявлением разнонаправленности развития, к примеру, русской народной и меннонитской крестьянской культур. Школьное дело, в котором немцы действительно имели значительные успехи, развивалось согласно внутренней логике их религии и не могло без адаптации быть использовано представителями иных культур.

“FRAU BASILEVA’S HAMLET” AND OTHERS: COMPARATIVE STUDY OF GERNAM COLONIZATION OF THE ORENBURG REGION IN THE 19TH — EARLY 20TH CENTURIES

The authors made an attempt to show the agricultural development of the Orenburg region by German colonists in the 19th — early 20th centuries against the background of other colonization models practiced in this area by other, in particular Slavic, ethnic groups. The case studies include the unsuccessful A. Rolgeiser colony of 1825, as well as the history of Davlekanovsky and Dejevsky settlements in the Orenburg province in the late 19th — early 20th century. The comparison clearly demonstrated that the German colonists were active participants but not the main driving force in the colonization process.

Svetlana V. Golikova, Ludmila A. Dashkevich

⁵⁵ Нейфельд Е. Я. Указ. соч. С. 150.

⁵⁶ Friesen P. M. Geschichte der Alt-Evangelischen Mennonitischen Bruderschaft in Russland (1789–1910) im Rahmen der mennonitischen Gesamtgeschichte. Halbstadt, 1911. S. 7.

⁵⁷ См.: Голикова С. В. Агрикультура и экологический кризис: ситуация в Оренбургской губернии конца XIX — начала XX в. // Агрикультура Урала в XVIII — начале XX в. Екатеринбург, 2002. С. 113–124.